

Михаил Логвинов

Историческая политика на постсоветском пространстве, или: На восточном фронте без перемен

На европейском пространстве обозначились обусловленные «культурой памяти» и исторической политикой конфликтные линии, которые негативно сказываются на международных отношениях вообще и на отношениях России с некоторыми странами-соседами в частности. Разные концепции исторической политики России и некоторых бывших республик СССР ведут к заметному ухудшению и так непростых взаимоотношений в Европе. Неготовность к диалогу и неспособность к критической оценке прошлого является причиной возникновения дополнительных разделительных линий в Европе.

В общеевропейском контексте могут быть выделены две группы событий-символов, которые разделяют Европу на Восток и Запад. Это – «Холокост» / «ГУЛАГ» и «Сталинград» / «Ялта». При этом размежевание является двойственным: с одной стороны, память о Холокосте и ГУЛАГе делит Европу на Центрально-Восточную и Западную, а память о Сталинграде и Ялте, с другой стороны, прокладывает дополнительный ров на Востоке между Россией и странами Центрально-Восточной Европы, поскольку здесь принято говорить о схожести национал-социализма и коммунизма. Если для России Сталинград является вехой на пути к освобождению Европы от фашизма, то для стран Центрально-Восточной Европы исторической вехой является Ялтинское соглашение, в результате которого западные демократии «предали» новые европейские государства, отдав их в руки Сталина.¹

Очевидно, что при настолько различных толкованиях истории в национальном и международном контексте добрососедское сосуществование по определению будет отравляться конфликтами вследствие «когнитивных блокад», возникших на основе различных векторов исторической политики государств, вовлеченных в борьбу за делегитимацию/оправдание прошлого. То, какую роль играет историческая политика в международном контексте, показали не только события, связанные с памятником Воину-освободителю в Таллине, но и недавнее решение российских властей о создании Комиссии по противодействию фальсификации истории. Интересно, на наш взгляд, рассмотреть данное развитие сквозь призму политизации истории.

То, что в России после семидесятилетнего наднационального устройства вновь формируется государственное образование, политика которого обусловлена «национальной идеей», или, что то же, «идеей о нации», не удивляет и воспринима-

¹ См. об этом: Stefan Troebst: Jalta versus Stalingrad, Gulag versus Holocaust // Berliner Journal für Soziologie. 2000. Vol. 15. No. 3. P. 381-400.

ется как закономерное развитие. Оно – очередной «асимметричный ответ» России супранациональному Евросоюзу. Именно эта идея характеризует трансформации российской идентичности, несмотря на тот факт, что, по известному высказыванию К. Поппера, нации представляют собой не что иное, как временные, реализованные в пространстве истории модели мышления. Нации – это группы людей, объединенные общим заблуждением в отношении их истории.

Однако дискурсивные и нарративные стратегии национальной идентичности (перформативные акты-высказывания о «своем» и «чужом», литературные тексты и медиализации, формирующие культурные символы и мифы) и культурные идеологемы являются теми факторами, которые поддерживают достаточную степень эмоциональной заряженности «общего заблуждения». Так называемая государственная «историческая политика» зачастую делает выражающуюся в типичных нарративах «культуру памяти» непосредственным политическим инструментом.

В последнее время российские СМИ все чаще шокировали общество сообщениями (которые, скорее, моделируют реальность сквозь призму той или иной идеологии, чем отражают действительность), например, о сооружении памятников народным ополченцам Эстонии, сражавшимся на стороне частей СС против Красной Армии или о «сносе» памятника Воину-освободителю в Таллине. Сообщения о марширующих в Литве неонацистах были также направлены на создание соответствующей атмосферы эмоционального напряжения, равно как и активное медийное сопровождение проблемы «голодомора» на Украине. Действительно, для сознания народа, пронесшего в своем сердце всю горечь войны и сумевшего удержать на своих плечах скатывающийся в небытие мир, подобное отдаление от «общепринятого» исторического канона представляет собой травму.

Однако... Исходя из очевидной мысли о том, что данные «культурные» символы являются одной из форм установления «национальных ориентиров», можно понять причины подобного развития в большинстве «европеизированных» стран бывшего СССР (возьмем для простоты аргументации Эстонию). Понятным становится также и отсутствие в этих странах «исторической политкорректности» по отношению к России и к старым странам-членам ЕС, т. к. у этих новых стран «своя история». Не столь «монументальная», но для национального самосознания не менее драматичная.

Историческая «фактология» и национальный исторический дискурс конструируются с целью создания иных, чем в «чужом» семиотическом поле, каузальных взаимосвязей. Итак, Эстония (так же как Польша, Финляндия, Литва, Украина, Армения или Грузия) получила самостоятельность лишь в 1918 г. по результатам переговоров в Брест-Литовске. Украина потеряли ее в том же 1918 г., Армения и Грузия в 1920/21 гг. В 1921 г. были подписаны договоры о признании СССР независимости и границ прибалтийских государств. СССР поначалу отказался от территориальных претензий, однако уже в 1939 г. началась новая историческая фаза, связанная с пактом Гитлера и Сталина (или Риббентропа-Молотова).

Если в российской историографии делается акцент на словосочетании «советско-германский пакт о ненападении», то западные историки фокусируют внимание на тайных дополнительных протоколах. Если российская историография чаще всего говорит о «тактике умиротворения» наподобие Мюнхенского соглашения (1938 г.), то в прибалтийских учебниках истории акцент делается на слове «оккупация», которая включает советский (с 1940 г. – вступление прибалтийских стран в СССР) и германский (1941–1945 гг.) периоды. По представлениям балтийских этносов (или, скорее, тех, кто использует культуру памяти в целях формирования исторической политики) оккупация завершается лишь в 1991 г.

В данном контексте история XX века пред- и послевоенного периода получает в историографии прибалтийских государств новые семантические акценты. Непосредственно после начала Второй мировой войны произошло разделение Центрально-Восточной Европы в соответствии с договоренностями между СССР и фашистской Германией: СССР присоединил восточную часть Польши, Западную Украину, Западную Белоруссию, затем вынудил Финляндию отторгнуть Карельский перешеек, оккупировал три балтийские республики и присоединил Бессарабию и Северную Буковину, большей частью населенную украинцами.

Как в военный, так и послевоенный период интеграция прибалтийских стран в СССР сопровождалась массивной «миграционной интервенцией». К советским методам политического «подавления и интеграции» относилась нейтрализация политических и военных элит, осуществляемая при помощи депортаций и физического уничтожения. Времени до нападения гитлеровской Германии хватило, чтобы вызвать ненависть к советскому режиму у большинства балтов. Во многих местах немецкие части встречали с ликованием и цветами. Балтийские этносы рассматривали фашистскую «оккупационную» армию как меньшее зло в сравнении с советской, как это представлено в ретроспективе в презентации полуофициального музея оккупации в старой части Риги. Поэтому оккупационные войска фашистской Германии считались, скорее, «войсками-освободителями». Именно поэтому фашизм для этнических эстонцев или латвийцев – это меньшее зло, чем коммунизм. Более того, немалое количество граждан балтийских и центрально-европейских государств участвовало в массовых убийствах еврейских жителей (и не только служащие СС).²

Осмелюсь утверждать, что сегодняшнее развитие в прибалтийских странах полезно для их обществ: оно свидетельствует о том, что в перспективе балтийские этносы не без помощи мирового сообщества откроют для себя проблему «вины» в преступлениях, имя которым Холокост. Однако возможна и другая стратегия – консервирование националистических идеологий.

Соприкосновение с историей наряду с внутривнутриполитическим эффектом имеет и международное значение. Если исходить из того, что с исчезновением границ в Европе и созданием «общеевропейских пространств» с привлечением России по-

² См., например: Bei der Vernichtung der Juden fanden die Nazis in etlichen europäischen Ländern willige Helfer // Der Spiegel. 2009. No. 21. P. 82-92.

нимание прошлого будет являться весьма важным фактором, то и критические оценки советского коммунизма с его последствиями нужно использовать на международной арене. Это точка зрения большинства западных исследователей. Точка зрения, в принципе, верная, но, к сожалению, не разделяемая большинством российских элит. Опыт критического осмысления тоталитаризма, проделанный русской классикой и исторической наукой, не получил должного внимания в постсоветской России и практически не отразился на официальном дискурсе Кремля.

Вместе с этим, развитие последних дней обозначило еще одну весьма острую общеевропейскую проблему: всем прекрасно известно и представители стран ЕС это постоянно подчеркивают, что Евросоюз является сообществом свободных демократических правовых государств, имеющих и разделяющих общие ценности. Закрывая глаза на события в Прибалтике и некоторых других государствах Восточной Европы, страны-члены ЕС не только дают сигнал во вне, который может быть понят так, что «политика двойных стандартов» – это не просто безосновательный политический диктум, но и упускают возможность распространить общие ценности на все европейское культурное пространство.

Данный пробел является немаловажной проблемой для Европы, которая – вопреки надеждам европолитиков – все больше притягивает к себе новые государства-партнеры не своими ценностями, а субвенциями, дотациями и пр. экономическими стимулами. При таком подходе надеяться на становление ЕС как политического и ценностного сообщества непросто. Сложно представить на этом фоне и возможность формирования общего ценностного пространства между Россией и Европейским союзом.

Очевидно, что методу «консервирования» национальной истории следует предпочесть создание новых форумов для общеевропейского исторического диалога и критического осмысления прошлого. Цели взаимного сближения России с ее восточными соседями в большей степени поспособствовало бы создание двусторонних исторических комиссий со странами Прибалтики и Центрально-Восточной Европы. Попытка же поручить «охрану» истории спецслужбам практически означает возведение новых железных занавесов.